

Таким образом, в это период, реализация стратегических планов правительства в отношении инородцев на практике, так или иначе, была связана с аграрной политикой. Вызвано это было тем, что именно решением административных вопросов связанных с организацией управления инородцами, а следовательно и с их поземельным устройством, напрямую были связаны планы правительства, касающиеся переселенческой политики и планы скорейшей интеграции сибирских «инородцев» в единое культурное, административное и политическое пространство Российской империи.

В годы первой русской революции землеустроительная деятельность была приостановлена. Дальнейшая реализация плана проведения землеустройства и реформы управления сибирскими инородцами связана с именем П.А. Столыпина. В 1908–1914 гг. происходит окончательное подчинение «инородцев» общеимперским узаконениям. Не смотря на то, что официально «Устав об управлении инородцев» отменен не был, его положения утратили силу: от патерналистской модели национальной политики Российская империя перешла к унификации.

Н.Н. НАУМОВА

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XX в.: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В Енисейской епархии к началу XX в. имелось 2 женских монастыря: древний Енисейский Иверский (основан в 1623 г.) и Красноярский Знаменский (основан в 1888 г.), отстоявший на 48 верст от Красноярска; 4 мужских монастыря: северный Туруханский Троицкий (основан в 1660 г.), основанные в XVIII в. Спасо-Преображенский в г. Енисейске (1764 г.) и Успенский в г. Красноярске (1787 г.), а также Знаменский скит, учрежденный в 30 верстах от г. Красноярска в 1892 г. на пожертвование купца С.Н. Матонина. Именно в этот период перед монастырями как перед религиозными учреждениями традиционного общества встали проблемы существования в новых социально-экономических условиях капитализировавшейся Сибири. Женские обители лучше справились с ответом на вызов истории.

Женские монастыри России были многочисленнее мужских. Так, к 1900 г. в 503 монастырях империи проживало 8 578 монахов и 8 090 послушников, а в 325 женских монастырях и общинах — 10 082 монахинь и 31 533 послушницы (*Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб., 1903. Приложения. С. 3*).

Численность братии Туруханского Свято-Троицкого монастыря колебалась от 3 до 6 человек, при этом средний возраст братии состав-

лял, например, в 1910 г. 50 лет, средний возраст послушников составлял 45,5 лет (*Архивное агентство администрации Красноярского края (далее — АААКК). Ф. 594, оп. 1, д. 262, лл. 1–14*). Настоятель объяснял малочисленность братии «незначительностью суммы, отпускаемой на содержание монастыря еще по штату 1797 г., дороговизно жизни в Туруханском краю», доходившей до того, что в монастыре «проживал лишь один иеромонах, а заведовал им священник г. Туруханска» (*Енисейские епархиальные ведомости (далее — ЕЕВ). 1904. № 17. С. 474*).

Братия Красноярского Успенского монастыря к 1901 г. насчитывала 11 монахов (средний возраст — 53 года), 3 псаломщиков и 3 запрещенных в служении священников (*АААКК. Ф. 600, оп. 1, д. 18, лл. 1–7*), причем штат этого городского монастыря был укомплектован выходцами из мещанского и крестьянского сословий.

Братия Енисейского Спасо-Преображенского монастыря в 1906 г. состояла из 4 монашествующих (средний возраст — 62,5 года) и 2 поднадзорных заштатных священников. В монастыре проживало также 8 послушников, в основном детей духовенства (средний возраст — 20,4 года), исключенных из духовно-учебных заведений и 4 «епитимейца», пожизненно сосланных «в тяжкие работы» за кровосмешение (*АААКК. Ф. 258, оп. 1, д. 233, лл. 1–10*). Большое количество среди послушников выходцев из духовного сословия, не принимавших постриг, являлось одной из причин упадка мужского монашества. Так, в вышеупомянутом Спаском монастыре состав послушников полностью сменился через два года. Крестьяне и казаки попадали в число послушников после 40 лет, принимая постриг через 5–6 лет. Происходило кадровое старение в мужских монастырях епархии.

В Енисейской Иверской обители к 1895 г. насчитывалось 10 манатейных и 6 рясофорных монахинь, 29 послушниц. В Красноярском Знаменском монастыре в 1911 г. проживало 15 манатейных и 29 рясофорных монахинь, 114 послушниц (средний возраст — 29 лет). Только две из 15 монахинь были священническими вдовами, остальные — мещанскими и крестьянскими девицами. Срок пребывания в статусе послушника для мужчин должен был составлять не менее трех лет, женщин запрещалось постригать до достижения ими сорокалетнего возраста. Поскольку в женских монастырях срок послушничества растягивался иногда на десятки лет, белиц, имеющих хорошую репутацию, постригали в рясофор, т.е. давали право на ношение монашеской одежды и смену имени без произнесения монашеских обетов.

Насельники мужских монастырей в Восточной Сибири, по мнению иркутского прот. И. Климюка, «в большей степени принадлежат к классу так называемой «бродячей» братии. Редко монашествующий все время проживает в той обители, в которую поступил в самом начале. Послушники нередко в год меняют несколько обителей (особенно певчие), монашествующие, правда, реже кочуют, но все-таки не редкость встретить иеромо-

наха или иеродиакона, который сменил 2–3 обители». В то же время это «решительно не может относиться к женскому монастырю. Послушницы и монахини... более привязаны к своей обители, среди них совершенно нет «текучего» элемента... Послушница... научившись работать, не убежит в частную типографию. И если иеромонах мужского монастыря побрезгует стать за кассу и быть наборщиком, то у женщин монахинь такого отношения к физическому труду не будет и нет... они будут довольствоваться меньшим вознаграждением за свой труд» (*Журналы Иркутского 49-го экстренного епархиального съезда духовенства и мирян Иркутской епархии 29 мая–11 июня 1917 г. Иркутск, 1917. С. 57–58*). По этим же причинам в 1917 г. свечное производство, составлявшее важнейшую статью доходов епархии, было передано Знаменскому женскому монастырю.

Действительно, для физического труда в мужских монастырях имелись наемные рабочие, как правило, беспаспортные бродяги. Несмотря на постоянные скандалы вокруг находившихся в обителях женщин, завершавшиеся иногда служебным расследованием, монахи не отказывались от практики найма скотниц и прачек (*См., напр., АААКК. Ф. 594, оп. 1, д. 245, л. 69; Ф. 594, оп. 1, д. 217, л. 28*).

Монастыри епархии, имевшие официальную «специализацию», практически не выполняли своих задач. Так, Туруханский Троицкий монастырь, ссылаясь на малочисленность братии, не вел миссионерскую работу среди «инородцев» Крайнего Севера. Параллельно он являлся исправительным, однако сосланные туда за «нетрезвость и неблагоповедение» монахи при случае просто бежали (*Там же, д. 182, л. 55*). В качестве исправительного использовался также Енисейский Спасский монастырь, в который попадали сектанты (особенно «расколоучители»), провинившиеся, в том числе расстриженные, священнослужители, лица, вступившие в кровосмесительную связь, дети-преступники в возрасте до 14 лет.

В 1900 г. на четыре монастыря Енисейской епархии приходилось 4 729 десятин земли, в том числе 1 031 пахотной, 266 луговой, 2 824 в виде лесных дач, 608 смешанных угодий. 620 дес. из 4 729 составляли «неудобья» (*Любинецкий Н.А. Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. С. 10*). Пахотная земля обрабатывалась своими силами только в женских обителях, мужские монастыри предпочитали сдавать ее в аренду.

Развитие монастырского хозяйства происходило за счет собственных средств и частных пожертвований. Государственные субсидии составляли для всех штатных монастырей епархии одинаковую сумму — выделявшаяся ежегодно 668 р. 88 к. Нештатные монастыри г. Красноярска — Успенский мужской, Знаменский женский, Знаменский мужской скит — содержались «за счет пожертвований от правительства, разных благотворителей и доходами, получаемыми от земель, приобретенных покупкой или пожертвованных» (*Собрание церковно-гражданских постановлений о монастырях и монастырях / сост. И.Л. Чижевский. Харьков, 1898. С. 61*).

Обе женские обители Енисейской епархии являлись общежительными, в которых «братия все потребное получает от монастыря, по распоряжению настоятеля, и свой труд предоставляет в общую пользу монастыря». Мужские Енисейский Спасский и Красноярский Успенский монастыри являлись общежительными, монахи которых, «имея общую трапезу от монастыря, одежду и все прочее приобретают каждый для себя собственными трудами» (*Там же. С. 62*), что, конечно же, не могло способствовать укреплению монастырского хозяйства.

Духовная консистория настаивала на нерациональном использовании монастырских доходов. Так, в 1905 г. Енисейский Иверский женский монастырь потратил на содержание храма и монастыря 11 467 р. — почти все, что получил в качестве дохода, в 1906 г. — 14 968 р. (*АААКК. Ф. 322, оп. 1, д. 25, л. 26*). Во время очередной ревизии игуменье было сделано замечание о необходимости обращения вырученных средств в доходные билеты государственных займов вместо траты их на расширение монастырского хозяйства. Следует отметить, что капиталы монастыря к этому моменту уже достигли 45 150 р., в то время как у Енисейского Спасского мужского монастыря они составляли всего 6 850 р. (*АААКК. Ф. 258, оп. 1, д. 238, л. 3*).

Статьи доходов Енисейского Спасского монастыря в основном не требовали непосредственного участия иноков: это были доходы от сдачи в аренду монастырских помещений, отведения мест под захоронения в монастырской ограде, проценты по билетам государственного займа, пожертвования, выручка от изготовления и продажи свечей, кружечко-кошельковые сборы. В отличие от Иверского женского монастыря Спасский так и не смог оправиться после пожара 27 августа 1869 г., уничтожившего большую часть г. Енисейска. Иноки Успенского Красноярского монастыря добивались закрепления за монастырем отмежеванных по берегу р. Маны четырех тысяч десятинов лесной земли с рыбными ловлями, которые предполагалось сдавать в наем, поскольку ежегодного дохода в размере семи тысяч рублей «из сумм собственно свечных, поминальных, молебных, просфорных, а также пожертвований от добрых людей» монастырю было недостаточно (*Отчет о состоянии Красноярского общежительного Успенского мужского монастыря за время с 1874 г. по 1 августа 1882 г. Красноярск, 1882. С. 35*).

Туруханский Троицкий монастырь находился в полном упадке: единственным источником его существования являлись «рыболовные пески», за которые более века велась тяжба с местными крестьянами, не желавшими платить за аренду угодий. Еще в 1862 г. епископ Енисейский Никодим (Казанцев) отмечал в путевом дневнике: «Монастырь еле дышит. Получает 460 р. жалованья и имеет вблизи рыбную ловлю: вот и все. До отнятия вотчин он был доволен и силен» (*ЕЕВ. 1909. № 3. С. 24*). Все здания монастыря нуждались в срочном ремонте. Для выведения Туруханского Троицкого монастыря из кризиса указом епископа Енисейского

Никона (Бессонова) в 1917 г. монастырь был преобразован в женский. 3 монахини и 5 послушниц во главе с 64-летней игуменьей Агнией начали приводить в порядок «крайне запущенный и грязный» монастырь, чье имущество было разворовано и распродано последним настоятелем, однако гражданская война и экспроприации помешали подъему монастырского хозяйства (АААКК. Ф. 594, оп. 1, д. 249, лл. 115–118).

В то же время сестры Знаменского монастыря г. Красноярска имели пасеку, кузницу, большие швейные мастерские, подворья в гг. Ачинске, Минусинске и Красноярске. Учащиеся двухклассной женской церковно-приходской школы при Енисейском Иверском монастыре под руководством мастериц-послушниц постигали искусство изящной вышивки, изготовления бумажных цветов, шляпок, кружев и т.д. Монастырь брал обширные частные заказы на пошив полотенец, постельного, столового и нательного белья (АААКК. Ф. 804, оп. 1, д. 24, лл. 5–7). Обитель имела белешвейные, швейные (изготовление монастырских одеяний и стежка одеял), чулочно-вязальные, золотошвейные мастерские, свечной завод, воскобелильню, пахотные земли. Послушницы работали хорошо и брали за свой труд небольшую компенсацию. Обширность и качество производимых работ связаны не только с необходимостью самостоятельно зарабатывать на нужды обители, но и с некоторыми особенностями женской психологии, отмеченными С.П.-овым, побывавшим в начале XX в. в Горичем женском монастыре: «В этом виновата любящая поновлять рука женщин... эта же рука создала из монастыря целую фабрику... Уж слишком много мещанского в уюте низеньких келий, и молитва, летящая отсюда к небу, кажется слащавой» (П-ов С.С. поездки в монастыри: Феррапонтов, Кирилов и Горичкий // *Временник*. 1916. С. 90).

А.В. НЕКЛЮДОВА

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТОРГОВЛИ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Конец XIX–начало XX вв. стал новым этапом в развитии сибирской торговли. В торговую сферу втягивалось все большее количество городского населения, увеличивалось количество торговых заведений и их обороты. Поэтому, несомненно, разработка, корректировка и внедрение правовой основы торговой жизни являлись важным условием для развития торговли в восточно-сибирских городах.

Производство любых торговых действий в Восточно-Сибирском регионе обуславливалось лишь выборкой соответствующих роду и размеру деятельности промысловых свидетельств. Причем, промысловые свидетельства должны были быть выбираемы на каждое отдельное торговое заведение. Сложности в выборке торговых документов возникали лишь